

УДК 930.1 (091)

Виноградов Борис Витальевич

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и методики ее преподавания Славянского-на-Кубани государственного педагогического института
vinogradov.b@mail.ru

Клочков Олег Борисович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и методики ее преподавания Славянского-на-Кубани государственного педагогического института
valga205@yandex.ru

**К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ
ОЦЕНОК СТАДИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
ГОРСКИХ СООБЩЕСТВ XVI – СЕРЕДИНЫ
XIX В. В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ
ВЫЗОВОВ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОГО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

В статье анализируются историографические оценки стадийного уровня развития северокавказских народов в XVI – середине XIX в. в контексте исследования проблем российско-горского взаимодействия и современной этнополитической ситуации на Северном Кавказе и вокруг него.

Ключевые слова: Стадийный уровень развития, горский традиционный уклад, «горский феодализм», сложившиеся феодальные отношения, феодальная раздробленность, социальная стратификация, «национальная историография», «альтернативная история», мифологизация истории, этносепагатизм, паразитарная этноэкономика.

Представляется очевидным, что исследование характера и особенностей российско-горских взаимоотношений в широком хронологическом диапазоне невозможно без адекватной оценки стадийного уровня развития субъектов данного взаимодействия. В течение X–XIX вв. динамика социально-экономического и политического развития Руси, а затем России вполне очевидно происходила в рамках эволюции феодальных отношений, от их складывания до разложения и кризиса. Намного сложнее определить стадиальную специфику развития горских этносоциальных сообществ. В советской кавказоведческой историографии было принято связывать реалии социально-политического бытия горцев с зарождением и развитием феодального строя, что вполне согласовывалось с формационным подходом к периодизации всемирно-исторического процесса. Однако ряд несоответствий «европейской классике» обусловил дискуссии о своеобразном «горском феодализме», к тому же и существенные характеристики собственно европейского феодализма оставались (и остаются) предметом научных разногласий [1, с. 8–23].

Vinogradov Boris Vitalievich

Doctor of History, Professor of the Department of History and History Teaching Methods of the Slavyansk-on-Kuban State Teacher Training Institute
vinogradov.b@mail.ru

Klochkov Oleg Borisovich

PhD in History, Associate Professor of the Department of History and History Teaching Methods of the Slavyansk-on-Kuban State Teacher Training Institute
valga205@yandex.ru

**TO THE PROBLEM OF HISTORIOGRAPHICAL
ASSESSMENT OF PHASED DEVELOPMENT
OF CAUCASIAN SOCIETIES IN THE 16TH –
MID 19TH CENTURIES WITHIN THE CONTEXT
OF MODERN CHALLENGES FOR RUSSIAN
NORTH CAUCASUS SECURITY**

Historiographical assessment of phase development level of North-Caucasian peoples in the 16th – mid 19th centuries within the context of research of the problems of Russian-Caucasian interaction and modern ethno-political situation in the North Caucasus and around it are analyzed in the given article.

Key words: phase development level, traditional lifestyle of Caucasian peoples, “Caucasian peoples’ feudalism”, established feudal relationships, feudal fragmentation, social stratification, “national historiography”, “alternative history”, mythologization of history, ethno-separatism, parasitic ethno-economy.

С рубежа 1980–1990-х гг. в условиях ослабления контроля центральной академической исторической науки за региональным историописанием и развития этносепагатизма на Северном Кавказе складывается «национальная историография», претендующая на освещение этнической истории местных народов и их взаимоотношений с Россией. Для «национальных» историков, как отмечали некоторые исследователи, становится правилом преподносить свой народ по возможности самым древним, самым развитым (если не в ближайшие столетия, то в далеком прошлом), самым правым во все времена во всех конфликтных ситуациях [2, с. 25–27; 3, с. 171–182].

Нелишне заметить, что подобные построения, замешанные на догмате о «правоте по этническому принципу», весьма схожи с постулатами «альтернативной истории» и так же призваны обслуживать современные этнополитические амбиции, в данном случае титульных народов национальных северокавказских субъектов Российской Федерации. «Новые оценки» истории горских народов в достаточной мере коснулись прочтения их уровня социально-политического развития в XVI – первой полови-

не XIX в., т. е. в то время, когда происходил постепенный процесс их интеграции в орбиту влияния, а затем и власти России. В частности, применительно к социально-политической жизни кабардинцев, западных адыгов и народов Дагестана стали активно использоваться констатации феодальной раздробленности [4, с. 230; 5, с. 23; 6, с. 78-101; 7, с. 32], которая в принципе предполагает сложившиеся феодальные отношения и начало периода развитого феодализма.

Подобные исторические реконструкции практически по условию предполагают наличие государственности у означенных народов до их интеграции в Российскую империю, и влекут за собой утверждение, что Россия лишила горцев этой их государственности в ходе своей «колонизальной экспансии».

Между тем именно в констатации у адыгов и в Дагестане феодальной раздробленности, а значит, окончательно сложившегося феодализма видится нам намеренное завышение стадийного уровня развития соответствующих этносоциальных сообществ, вполне согласующееся с тенденциями «национального» историописания. Наиболее ярко и рельефно данная тенденция проступает, когда некоторые – уже современные – чеченские историки «находят» феодальную раздробленность в позднесредневековой Чечне [8, с. 3, 210, 234, 238], в которой ростки раннефеодального уклада тонули в море традиционных патриархально-родовых отношений. В данном контексте представляется необходимым вспомнить общеизвестные, основополагающие признаки европейского сложившегося феодализма, т. е. тех ориентиров, на которые равняются (или должны равняться) «национальные» историки в своих оценках. Их можно рассматривать в рамках как формационной, так и цивилизационной парадигмы исторического развития. Это свершившееся отделение ремесла от сельского хозяйства, существование городов как политических и торгово-ремесленных и культурных центров, наличие феодальных замков, развитой государственно-правовой традиции и многое другое, в том числе и наступление феодальной (политической) раздробленности, что и характеризует данные реалии в качестве прогрессивного этапа развития феодального строя. Нелишне вспомнить, что в период раздробленности наблюдался значительный хозяйственно-экономический прогресс тех обособленных территорий, которые ранее входили в состав той или иной раннефеодальной монархии. Кроме того, действительные реалии феодальной раздробленности предусматривали, в частности, окончательное оформление феодальной собственности на землю, способность феодалов успешно подав-

лять крестьянские выступления, используя свои «дружины», аппарат принуждения в целом. Развитый феодализм предполагал такую степень социальной стратификации, когда крестьяне уже довольно давно были разоружены и не обладали какой-либо воинственностью в мировоззрении. Феодалы разных уровней оставались тогда единственной вооруженной силой и носителями соответствующих традиций и ценностей.

Вся эта «классика развитого феодализма» [9; 10; 11] резко контрастирует с тем, что наблюдалось у дагестанских народностей и адыгов в XVI – середине XIX в. В том же Дагестане наиболее многочисленным слоем земледельческого населения были уздени, не находившиеся в той степени феодальной зависимости, которая была характерна для периода сложившегося феодализма, зато являвшиеся носителями выраженных «маскулинных традиций», постоянными участниками набегового промысла. Наличие у адыгов тльфекотлей («простых черкесов») как численно значительной и практически свободной категории населения с традициями, схожими с дагестанским узденством, – тоже не аргумент в пользу развитого феодального общества. Нелишне заметить, что в принципе именование горских общинников крестьянством более чем спорно в силу значительных сущностных несоответствий их хозяйственно-экономического уклада и мировоззренческих ценностей стандартам европейского и русского средневекового крестьянства. Совершенно невозможно представить в развитом феодальном обществе вовлеченность крестьян в набеговые предприятия, схожесть их мировоззрения с мировоззрением феодалов, замешанном на праве сильного. Стабильное существование института кровной мести также более чем проблематично представить в условиях развитого феодализма. Одинаково невозможно представить, чтобы в период феодальной раздробленности восставшим крестьянам удалось бы избиение существовавших феодальных кадров с последующей феодализацией новой «правлящей элиты».

Таким образом, процесс «вторичной феодализации» в рамках имамата Шамиля тоже никак не вписывается в даже гипотетические реалии развитого феодализма. Совершенно невразумительной представляется и конструируемая В.Х. Кажаровым и его последователями якобы существовавшая в Кабарде и у западных адыгов «вотчина-община» – основная социальная единица местного «развитого» феодального общества [12, с. 50-178; 13, с. 21, 24-25]. Ведь общеизвестно, что феодальные вотчины соответствующего периода существовали в условиях сложившейся системы земельной собственности и в составе их населения «нефеодаль-

ный» лично свободный элемент либо не присутствовал, либо был представлен предельно узко. Эти «данности» развитого феодализма старательно обходятся уважаемыми авторами или интерпретируются до неузнаваемости.

Интересно, что тот же В.Х. Кажаров, один из главных радетелей развитого феодализма в Кабарде, признает, что «феодализм у кабардинцев в XVI – начале XVII в. достиг внутренне заданных пределов, оказавшись не в состоянии породить новые формы социальной организации»; что в XVII – XVIII вв. происходило повторение прежних социальных образцов при неспособности к обновлению и прогрессу [14, с. 428]. На наш взгляд, данная констатация вполне применима и к характеристике других этносоциальных сообществ региона, в бытии которых кто-то склонен усматривать признаки развитого феодализма. Если учесть, что именно в середине – второй половине XVI в. кабардинские историки видят примеры политической централизации (раннефеодальной монархии, если по логике затем наступит феодальная раздробленность), то получается, что сложение феодальных отношений, неременным признаком которых является феодальная раздробленность, есть не прогресс в сравнении с раннефеодальным обществом, а застой, отсутствие развития, что звучит достаточно абсурдно. Между тем воспроизводство прежних социальных образцов в большей степени характерно для традиционного общества дофеодального и догосударственного порядка, иначе бы подобный «феодализм» существовал вечно, не претерпевая внутрiformационной динамики и не вступая в период кризиса и генезиса в своих недрах капиталистических отношений.

Какие же формальные основания имели в виду дагестанские и адыгские историки, заявляя о наличии феодальной раздробленности у своих народов? В их распоряжении, видимо, оставался такой «логический ряд»: если абсолютно неприемлемо, не престижно признавать значительные черты потестарности в социальном бытии своих предков, то это бытие именуется феодальным (тем более что подходы советского кавказоведения давали тому почву); если явно не присутствует политическая централизация (раннефеодальная или свойственная для централизованных государств), то значит, существует феодальная раздробленность, т. е. развитый феодализм (развитые феодальные отношения). Подобный подход игнорирует качественное своеобразие действительного развитого феодализма, существовавшего в Европе, и диагностирует его наличие в Дагестане и «Черкесии» на основании поверхностной интерпретации лишь нескольких его признаков. Любопытно, что понятие «горский феодализм» не в

почете у «национальных» историков, и они стремятся механически привязать понятийный аппарат европейского феодализма к оценке стадийных состояний местных этносоциальных сообществ.

Между тем возникает вопрос: какие же конкретные современные этнополитические проекты вольно или невольно обслуживаются построениями о развитом феодализме на Северном Кавказе? И здесь наиболее яркий пример – предельно претенциозный и по сути антироссийский проект «воссоздания» Черкесии. Следуя мнению, высказанному на онлайн-конференции председателем «Черкесского конгресса» КБР Русланом Кешевым, сия Черкесия должна включать в себя (еще и в качестве компромисса с российскими властями...) кроме территорий Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи, весь Краснодарский и Ставропольский края. Максимальные же «исторические границы» Черкесии, с точки зрения Р. Кешева и его сторонников, должны распространяться на восток почти до Каспия, а на север – до Ростова-на-Дону и границы Ростовской области с Украиной [15]. Естественно, что все это к исторической науке никакого отношения не имеет, разве что является образчиком националистически зацикленной «альтернативной истории». Но не менее естественно, что все эти выкладки невозможно обосновать и внедрить в общественное сознание адыгских народов без наукообразной мифологизации их истории. Кстати, весьма любопытно, что Р. Кешев оперирует именно теми терминами, понятиями и оценками, которые за последние два с лишним десятилетия в значительной мере утвердились в «национальной» кабардинской исторической науке. Это – «геноцид адыгов», «оккупация Черкесии», «Русско-Черкесская война» и т.п. Показательно, что отсчет «Русско-Черкесской войны» он ведет с 1763 г., что в принципе вполне согласуется с соответствующими безосновательными утверждениями местных историков. Таким образом получается, что писания «национальных» историков вольно или невольно питают идеологию откровенного национализма и этносепаратизма. Правда, Р. Кешев, преподаватель физики и астрономии, идет дальше местных историков и объявляет, что Черкесия в 1763 г. имела границы как раз в размере до Ростова-на-Дону, Украины и Дагестана [16]. Обсуждать подобное с точки зрения науки бесполезно, как бесполезно оспаривать «доводы» «академика» Фоменко и прочих одиозных мифотворцев от истории. Прежде всего – потому, что они и не нуждаются ни в дискуссии, ни в поиске истины. У них другие задачи. Недаром Р. Кешев и его сторонники стараются взаимодействовать с молодежью, не обремененной ни

объективными историческими знаниями, ни жизненным опытом.

Констатация существования у адыгов в XVI – первой половине XIX в. децентрализованных раннефеодальных, в лучшем случае полугосударственных структур совершенно непригодна для откровенно антироссийской сепаратистской «этнической мобилизации», которую замышляют такие как Р. Кешев. Черкесия как «политическая категория» была выдумана в XIX в. англичанами для попыток обеспечения собственных интересов на Кавказе, для вытеснения оттуда России. И совершенно не случайно нынешний северокавказский этносепаратизм опекается «западными демократиями» с привлечением всевозможных структур [17, с. 98, 107, 110, 120-129].

Принципиально важно отметить, что «Черкесия-по-Кешеву» является изначально дестабилизирующим проектом, провоцирующим межэтнические конфликты в регионе. Неизбежный уход с ее территории «производительного» славянского населения (как скорее всего и части других нетитульных народов) и вселение потомков «мухаджиров» неизбежно предопределяет полную деградацию экономики. Если учесть, что и сегодня бюджеты национальных северокавказских субъектов Российской Федерации сугубо дотационны из федерального центра, логично предположить, что для паразитарной этноэкономики такой Черкесии, для обеспечения потребностей этнократической элиты потребуются новый донор, а точнее сказать, спонсор. В этом качестве может выступить западное сообщество, для которого уход России с Кавказа означает (как и в XIX в.) собственный масштаб-

ный приход в регион. Не стоит здесь сбрасывать со счетов натовскую Турцию и фундаменталистскую Саудовскую Аравию, последняя из которых, несмотря на свой исламизм, является важным партнером США и уже два десятилетия всячески поддерживает сепаратистские движения на Северном Кавказе. В контексте откровенной конфликтности попыток реализации «черкесского проекта» вполне востребованными могут оказаться для начала проливания крокодиловых слез по поводу «гуманитарной катастрофы» (подобное уже было применительно к ситуации в Чечне), а затем – стремление к присылке натовских «миротворцев» или повторению прочих приемов, апробированных, в частности, во время «арабской весны».

Таким образом получается, что «развитый феодализм» – осознают это или нет конкретные «национальные» историки – есть звено натовских планов в отношении российского Северного Кавказа и России в целом; особенно в совокупности с надуманными обличениями российской политики в регионе. А Кешеву и его сторонникам надо напомнить, что со схожими идеями гигантизации территории Чечни выступал в начале 1990-х гг. Джохар Дудаев, желавший простереть ее пределы до Волгограда и Ростова-на-Дону. И отсутствие страха повторить участь Дудаева и его ближайших адептов может быть связано только с надеждой на вмешательство натовского «международного сообщества», которое за последние годы многократно творило и продолжает творить военно-политический произвол в различных регионах мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. См.: Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Владикавказ, 2007. Ч. 1.
2. См. об этом подробно: Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). Владикавказ, 2000.
3. Захаров В.А., Арешев А.Г. Кавказ после 08. 08. 08: старые игроки в новой расстановке сил. М., 2010.
4. Захаров В.Х. Традиционные общественные институты Кабарды и их кризис в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994.
5. Кандор Р.С. Трансформация традиционной системы управления западных адыгов (черкесов) (конец XVIII в. – 60-е гг. XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2009.
6. Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002.
7. Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана. XVIII – первая половина XIX в. Махачкала, 2006.
8. Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки социально-экономического и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста, 2002.
9. Удальцова З.В., Гутнова Е.В. Генезис феодализма в странах Европы. М., 1970.
10. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
11. Блок М. Апология истории. М., 1986.
12. Кажаров В.Х. Указ. соч.
13. Кандор Р.С. Указ. соч.
14. Кажаров В.Х. Указ. соч.
15. Онлайн-конференция с Председателем КБР ОД «Черкесский Конгресс» Русланом Кешевым. URL: http://www.elot.ru/main/index.php?option=com_content&task=view&id=2507&Itemid=1 (дата обращения 24.08.2011).
16. Там же.
17. Захаров В.А. Арешев Г.А. Указ. соч.